

РУССКИЕ
ФОЛЬКЛОРИСТЫ

Библиографический словарь
XVIII—XIX вв.

3

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)

РУССКИЕ ФОЛЬКЛОРИСТЫ
Биобиблиографический словарь
XVIII—XIX вв.

В 5 томах

ТОМ 3
Краинский — О

Санкт-Петербург
2018

Львов Николай Александрович [4(15).5.1753, с. Черенчицы Новоторжского у. Тверской губ. — 21.12.1803 (2.1.1804), г. Москва; похоронен в Никольском-Черенчицах] — архитектор, поэт, драматург, переводчик, издатель летописей, собиратель фольклора.

Родился в старинной дворянской семье среднего достатка, получил домашнее образование. В кон. 1769 прибыл в Петербург для прохождения военной службы в л.-гв. Преображенском полку, в который был записан в 1759. С сент. 1770 по сент. 1771 посещал кадетскую роту для солдат гвардейских полков при л.-гв. Измайловском полку, где изучал французский и немецкий языки. Одновременно со своей дальнейшей службой в Преображенском полку Л. состоял с 23 марта 1773 в курьерской должности при Коллегии иностранных дел; в этом качестве им были совершены поездки в Гамбург в марте — апр. 1774, в Копенгаген, Гамбург и Эйтин в нояб. 1775 — янв. 1776, а также, видимо, некоторые др. 12 июля 1775 вышел в отставку армии капитаном с награждением в 500 руб. от Коллегии иностранных дел. 5 июня 1776 Л. по его прошению и при содействии П. В. Бакунина Меньшого был вновь принят в Коллегию иностранных дел с чином капитана. В конце окт. 1776 Л. был отправлен курьером в Лондон, Мадрид и Париж, на обратном пути задержался в Париже (февр. — май 1777), где встретился со своим дядей М. Ф. Соймоновым и с сопровождавшим его *И. И. Хемницером*. Русские путешественники побывали здесь на многих спектаклях с участием лучших актеров того времени (см.: Хемницер И. И. Соч. и письма. СПб., 1873. С. 371—394). По возвращении (нач. авг.) Л. становится инициатором создания домашнего театра в доме П. В. Бакунина Меньшого. 5 мая 1779 Л. был произведен в «секретари осьмого класса» (коллежский асессор) при Коллегии иностранных дел с жалованьем 700 руб. в год. 23 апр. 1781 Л. был назначен в «чине посольства советника к дрезденскому министерскому посту», но «по высочайшей ее величества воле» был оставлен в Петербурге, где «употребляем при Кабинете»; 10 марта 1782 он был определен в Главное управление почтовых дел на место советника и числился там до 1797, выполняя самые разнообразные поручения (с 1783 — коллежский советник, с 1788 — статский советник). В мае — авг. 1781 Л. совершил путешествие в Италию в качестве курьера, использовав поездку для знакомства с достопримечательностями этой страны. Впечатления от Ливорно, Пизы, Флоренции, Болоньи, Венеции зафиксированы в дневнике Л., написанном под сильным влиянием идей И. И. Винкельмана (см.: *L'vov N. A. Italienisches Tagebuch: Ital'janskij dnevnik / Hrsg. und kommentiert von K. Yu. Lappo-Danilevskij. Übers. aus dem Russischen von Hans Rothe und Angelika Lauhus. Köln; Weimar; Wien, 1998*). Женат с 8 нояб. 1780 на М. А. Дьяковой (этот брак оставался

в тайне до 1783); на ее сестре Александре в 1781 женился *В. В. Капнист*, а на сестре Дарье в 1795 — *Г. Р. Державин*.

В июне 1803 Л. выехал на Кавказ для лечения, попутно обследовав минеральные источники в районе горы Бештау, составил проект лечебницы и записку об устройстве паровых ванн и душей (см.: *Пятигорск в исторических документах 1803—1917 гг.* Ставрополь, 1985). Во время пребывания в Тамани по инициативе Л. был сооружен постамент для известного Тмутараканского камня, предотвративший его разрушение. Маршрут южного путешествия восстанавливается благодаря пометам Л. в его «Путевой тетради № 2» (РО ИРЛИ, 16.470/С IV620, л. 7 об.). На обратном пути после непродолжительной болезни Л. скончался в Москве.

1780—1790-е были для Л. порой творческой зрелости и многообразных начинаний. Им были подготовлены следующие архитектурные проекты: собор св. Иосифа в Могилеве (1780), Невские ворота Петропавловской крепости (1780), здание почтамта в Петербурге (1782), Борисоглебский собор в Торжке (1785), усадебные постройки в окрестностях Торжка (1780—1790-е), церковь в Мурино под Петербургом (1780-е), Большой Кремлевский дворец в Москве (1798), дворец Приорат в Гатчине (1798), дом А. К. Разумовского на Гороховом поле в Москве (1800—1802) и ряд др. Столь же многочисленны были работы Л. в качестве рисовальщика и гравера: эскиз ордена св. Владимира (1782), иллюстрации к «Метаморфозам» Овидия (Государственный Русский музей, Отд. рисунков, № 14258), виньетки к роскошному изданию пьесы *Екатерины II* «Начальное управление Олега» (1791) и др.

Не менее интенсивной была переводческая деятельность Л. в области научных книг: «Руководство содержанию пчел во все времена года» Д. Уайлдмена (1788), «Рассуждение о перспективе (так! — *К. Л.-Д.*), облегчающее употребление оной» Э.-А. Петито (1789), кн. 1 трактата об архитектуре А. Палладио (Четыре книги Палладиевой архитектуры. СПб., 1798). Взгляды Л. на садово-парковое искусство были суммированы в пояснительной записке к проекту парка А. А. Безбородко в Москве (1797—1799; см.: *Гримм Г. Проект парка Безбородко в Москве // Сообщения Ин-та истории искусств. М., 1954. № 4/5. С. 107—135*). Вкладом Л. в историю русской отопительной техники является его книга «Русская пиростатика» (СПб., 1795—1799. Ч. 1—2), где он предложил особую конструкцию печей и каминов, более экономичных, обогревавших помещения горячим воздухом. Интерес Л. к русским древностям наиболее ярко проявился в подготовке им к изданию летописей: «Летописец русский от пришествия Рурика до кончины Иоанна Васильевича» (СПб., 1792. Ч. 1—5); «Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии» (СПб., 1798—1799. Ч. 1—4).

Фольклорные интересы Л. впервые наиболее ярко проявились в середине 1780-х, когда его дом в Петербурге стал одним из центров музыкальной жизни столицы, местом встреч музыкантов, а также хорового исполнения русских народных песен его родственниками и знакомыми. С увлечением русским фольклором теснейшим образом связан замысел «**Ямщиков на подставе**» (**Тамбов, 1788**) — единственной комической оперы, опубли-

кованной при жизни Л. Премьера этого, по определению автора, «игрища невзначай» с музыкой *Е. И. Фомина* состоялась 8 нояб. 1787 силами актеров, состоявших на службе в Петербургской труппе Российского театра (т. е. либо на сцене Каменного (Большого) театра, либо Деревянного (Малого) театра в Петербурге, подчиненных Дирекции императорских театров). Пьеса в значительной мере воплотила положительную общественную программу Л., полагавшего, что гармония интересов монархического государства в лице служащего дворянства и крестьян достижима при условии исполнения существующих законов и сохранения в неприкосновенности уклада народной жизни. В центре внимания драматурга — типичное злоупотребление (незаконная отдача в солдаты Тимофея Буракова), которое устраняется благодаря вмешательству офицера, наказывающего мошенника Фильку Пролазу. Язык персонажей пьесы содержит многочисленные диалектизмы, значение которых порой утрачено. Их анализ приводит к выводу, что при воссоздании языка крестецких ямщиков из Крестцов Новгородской губ. автор прежде всего использовал диалект местности, где находилось его родовое поместье Черенчицы (Новоторжский у. Тверской губ.): местоимения с протетическими «й» («йон», «йона», «йоно»), стяженные личные формы глаголов («кланься», «знашь», «слухашь»). В качестве арий в текст пьесы введены подлинные народные песни («Не у батюшки в зеленом саду...», «Ретиво сердце молодецкое...», «Кабы я была пцашка...», «Молодка, солдатка полковая...», «В поле береза бушевала...», «Высоко сокол летает...», «Вы раздайтесь, расступитесь, добрые люди...»). Они органично вплетены в действие, выражая переживания героев из простонародья. Новаторство Л., нетрадиционно смелое отношение к жанру комической оперы, ее тематике, структуре и языку, по-видимому, стали причиной непонимания петербургской публикой авторского замысла и ее провала на столичных подмостках. Пьеса стала объектом насмешек из лагеря писателей-классицистов, группировавшихся вокруг Н. П. Николева; об их претензиях к пьесе лучше всего можно составить представление по анонимной сатире «К сочинителю оперы под названием “Ямщики на подставе” от искреннего его доброхота» (опубл.: XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 111—112).

В раскрепощенной атмосфере родственных собраний в доме Л. была начата подготовка **«Собрания народных русских песен с их голосами»** (СПб., 1790; 2-е изд.: 1806; 3-е изд.: 1815. Ч. 1—2; важнейшие науч. переизд.: *Львов Н., Прач Я. Собрание народных русских песен с их голосами / Под ред. и со вступ. статьей В. М. Беляева. М., 1955; A Collection of Russian Folk Songs by N. Lvov and I. Prach / Ed. M. H. Brown. Ann Arbor; London, 1988; Русские народные песни, собранные Николаем Львовым, положенные на музыку Иваном Прачем / Изд. подгот. Е. Е. Васильева, В. А. Лапин, А. В. Стрельников. СПб., 2012*). В него частично вошли, помимо прочих, песни, включенные Л. в «Ямщиков на подставе»: «Высоко сокол летает...», «Вы раздайтесь, расступитесь, добрые люди...». Хотя имя Л. не было указано на титульном листе книги (здесь значилось лишь: «На музыку положил Иван Прач»), именно Л. был инициатором подготовки и составителем

«Собрания», он же привлек чешского композитора для гармонизации мелодий. Первое издание включает сто песен, разделенных на следующие группы: протяжные (34), плясовые или скорые (42), свадебные (6), хороводные (9), святочные (3), малороссийские (6). Эта структура была обоснована в вступительной статье «О русском народном пении», содержащей подробную характеристику каждого рода песен. Здесь же Л. утверждает, что славяне заимствовали свои песни у древних греков. При этом он ссылается на мнение Дж. Паизиелло, который видел в русских протяжных песнях не «случайное творение простых людей», но «произведение искусных музыкальных сочинителей» (С. IV). По-видимому, это положение стало предметом многочисленных возражений, в силу чего в предисловии ко второму изданию «Собрания народных русских песен» (1806) говорилось лишь о сходстве «некоторых святочных и подблюдных песен со старинною греческою песнею», а вопрос о заимствованиях предлагалось решить ученым (степень участия Л. во втором издании, вышедшем после его смерти и включающем 150 песен, не ясна). Хотя в статье «О русском народном пении» Л. сетует на трудность «собрать голоса народных неписанных на нескольких тысячах верстах рассыпанных песен и положить оные на ноту часто с фальшивого пения неискусных певцов» (С. XII), к этому заявлению следует отнестись с осторожностью, ибо около половины песен, помещенных в «Собрании народных русских песен», было заимствовано из вышедших к тому времени выпусков «Собрания русских простых песен с нотами» В. Ф. Трутовского (СПб., 1776—1795. Ч. 1—4). Л. и Прач использовали также рукописные сборники. Более высокое качество обработок мелодий народных песен и лучшая разработанность фортепианного сопровождения привели к тому, что на долю сборника Львова—Прача выпал куда больший успех, чем на долю сборника В. Ф. Трутовского.

«Собрание народных русских песен» надолго определило восприятие народной музыки и в России, и за ее пределами, став источником вдохновения для многих выдающихся композиторов. Так, Бетховен использовал напевы песен «Ах, талант ли мой, талант такой...» и «Слава на небе солнцу высокому...» для первого и второго квартетов из «Трех русских квартетов», ор. 59 (1807). Мелодии «Собрания» были использованы в операх М. П. Мусоргского («Борис Годунов»), П. И. Чайковского («Мазепа», «Опричник»), Н. А. Римского-Корсакова («Майская ночь», «Снегурочка», «Сказка о царе Салтане»), а также неоднократно становились объектом инструментальных переработок. Хотя во второй половине XIX в. все чаще раздавались упреки по адресу Прача, что он при гармонизации русских мелодий в слишком большой степени ориентировался на традиции итальянской и немецкой музыки, «Собрание народных русских песен» до сих пор сохраняет и свое научное значение, и художественную актуальность.

С увлечением русской народной песней связана следующая мистификация Л. В 1791 в «**Московском журнале**» Н. М. Карамзина анонимно было опубликовано «**Письмо от Н. А. Л^ьвова к П. Л. В^ельяминову**» (Ч. IV. Окт. С. 91—101), датированное 17 авг. 1791. В нем описывается освящение церкви, построенной по проекту Л. в с. Арпачеве Новоторжского у. Тверской

губ., принадлежавшем дяде поэта П. П. Львову. Важную роль в композиции письма играет «Песня П<етра> С<еменовича> Л<ьвова>» («Уж как пал туман на сине море...»), которую в определенный момент праздника запевают представители обширного семейства Львовых. Л. сообщает, что песня была сочинена в народном духе его дедом по пути из Персидского похода Петра I (1722—1723) и что ее «не удалось ему пропеть дома». Этот вариант песни был воспроизведен позднее как подлинно-народный *И. И. Дмитриевым* (Карманный песенник, или Собрание лучших светских и простонародных песен. М., 1796. Ч. 1. С. 211) и Г. Р. Державиным в разд. «О песне» «Рассуждения о лирической поэзии, или Об оде» (Чтение в Беседе любителей русского слова. 1815. Чтение 14. С. 21—22). Несмотря на четкую атрибуцию, предлагаемую в письме к Вельяминову, авторство деда Л. не может быть принято. Варианты песни «Уж как пал туман на сине море...» о смерти воина, возвращающегося из похода, находим и в рукописных песенниках XVIII столетия, и в печатных (см.: *Чулков М. Д.* Новое и полное собрание российских песен. СПб., 1770. Ч. 1. С. 140; [*Курганов Н. Г.*] Книга писмовник, а в ней наука российского языка с семью присовокуплениями. СПб., 1777. Ч. 2. Присовокупление V. С. 313) — до выхода в свет львовского «Собрания народных русских песен с их голосами». Все убеждает в том, что Л. подверг обработке подлинное фольклорное произведение. Долю своего участия при этом Л., видимо, ощущал как весьма значительную. «Песня П<етра> С<еменовича> Л<ьвова>» поэтому была для него авторской, а не безымянной, в силу чего он не включил ее в «Собрание народных русских песен», а в письме к Вельяминову атрибутировал своему деду.

Раннее поэтическое творчество Л. демонстрирует связь с литературой европейского классицизма, причем постепенно все большее значение приобретают преодоление жанровой инерции, отталкивание от традиционных форм, поиск индивидуально-стилистических решений. Л. не стремился к писательской известности; публиковался анонимно, довольствовался рукописным бытованием своих произведений. Первым напечатанным произведением Л., по-видимому, стала «Песенка» (Санкт-Петербургский вестник. 1780. Ч. 6. Авг.), музыку к которой написал Д. С. Бортнянский. Бóльшее впечатление на литературные круги произвела опубликованная без подписи «Идиллия. Вечер 1780 года ноября 8» (Собеседник любителей русского слова. 1783. Ч. 1), отразившая увлечение Л. французской эротической поэзией. Поэма Л. «Зима» вышла в 1791 отдельным изданием столь малым тиражом, что через несколько лет И. И. Мартынов поместил ее в журн. «Муза» как литературную новинку (1796. Ч. 1. Февр. — март; без посвящения, с пропуском восьми стихов). См. также: «К Дорализе», «Музыка, или Семитония», «Отпускная двум чижикам» (Аониды. 1796. Кн. 1), «Стихи на розу» (Муза. 1796. Ч. 2. Май), «Песня на взятие Варшавы» (Карманный песенник. 1796. Ч. 2). Хотя Л. и в зрелом возрасте с симпатией относился к основным положениям доктрины классицизма, понимание им сущности творческого акта не как подражания прекрасным образцам, а как спонтанного самораскрытия личности позволяет охарактеризовать его позицию как предромантическую в широком смысле.

Осмыслить феномен неопубликованных произведений Л. позволяет рукописный том, сохранившийся в фонде Г. Р. Державина (ОР РНБ, ф. 247, № 37, л. 1—105; автографы и авторизованные копии его стихотворений, писем и комических опер).

При обретении индивидуального поэтического голоса исключительную роль сыграла любовь Л. к народной поэзии и тесная связь с музыкальной культурой как в ее фольклорном, так и салонном изводе. Так, «Песня для цыганской пляски» Л. содержит подзаголовок: «на голос “Вдоль по улице молодец идет...”», отсылающий к «Собранию народных русских песен с их голосами» (№ 28 — среди плясовых), а в предисловии он подробно останавливается на этом типе песен, называя их «цыганскими», «особливыми более образом пения, нежели сложением своим». Все же по сравнению со своим фольклорным претекстом песня куда более строга в метрическом отношении, а изящество лексики и сквозная рифма делают ее, скорее, утонченным произведением салонной культуры, чем произведением в народном духе.

Чуткость Л. к метрике народной поэзии проявилась в том, что он становится одним из пионеров в освоении русской литературой кольцовского пятисложника (пентона третьего), другими поэтами его эпохи не употреблявшегося вовсе. Этот размер по объему занимает третье место в лирике Л. (после доминирующих ямбов и хореев): этим размером написана песня «Как, бывало, ты в темной осени...», а также значительная часть послания «Ивану Матвеевичу Муравьеву, едущему в Этин» (1796). На влияние фольклора указывают и большое число стихов с переменной анакрусой (главным образом в двустопных размерах), и обилие полиметрических стихотворений. Наиболее крупной художественной декларацией Л. в пользу «русского строя» в отечественной поэзии стала полиметрическая «богатырская песнь» «Добрыня» (1796; опубл.: Друг просвещения. 1804. № 9. С. 196—207; план второй главы и 12 начальных стихов в кн.: Поэты XVIII века. Л., 1972. Т. 2. С. 519). Написание «Добрыни» было вызвано публикацией богатырской сказки «Илья Муромец» Н. М. Карамзина (1795), стремившегося, опираясь на тематику и мотивы русских былин, создать русский эквивалент рыцарскому галантному эпосу. Карамзин избирает для «Ильи Муромца» нерифмованный четырехстопный хорей с дактилическими клаузулами. Л., как видно из «Добрыни», причислял этот метр к «русскому строю». Имплицитная полемика с Карамзиным, подчеркивавшим, что Илья Муромец имел «сердце нежное» и «душу чувствительную», имела место в первую очередь на уровне содержательном: Л. осознавал самобытность фольклора своей страны и предлагал иное, отнюдь не галантное ее видение.

Интерес к русскому фольклору оказался плодотворен и для переводческих опытов Л.; если первоначально они обнаруживали тенденцию к буквальной передаче иноязычного текста, то в 1790-х поэт выступил с оригинальной теорией художественного перевода. Первым опытом в этом роде стала «Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго <...> переложена на российский язык образом древнего стихотворения с примеру “Не звезда блещит далече во

чистом поле» (1793). Ее текст почерпнут из «Истории Дании» П. А. Малле (Mallet P. H. Histoire de Dannemarc. Genève, 1763. Т. 2), а метрика и образный строй ориентированы на вариант народной песни, включенной в «Письмо от Н. А. Львова» к П. Л. Вельяминову». Тот же размер Л. избирает для своего незавершенного перевода из Оссиана «На вершине-то скалы Марвенской, каменной...» (Гений вкуса: Н. А. Львов. Тверь, 2005. Сб. 4. С. 106). Более важным при таком подходе оказывалась не передача смысла переводимого текста, но его «интеграция» в иное культурное пространство, поиск национальных аналогов, приближение к аудитории в России (наиболее полно свои воззрения на эту проблему Л. выразил в предисловии к своему крупнейшему переводческому труду — «Стихотворению Анакреона Тийского» (СПб., 1794).

Справ.: Геннади; Брокгауз—Ефрон; Брокгауз—Ефрон. Новый; Брокгауз—Ефрон. РБС; Венгеров. Источники; Венгеров. 2-е изд.; Южаков; РБС; БСЭ. 2-е изд.; БСЭ. 3-е изд.; БРЭ; НРЭ; КЛЭ (А. Н. Глумов); Муз. энци. (Е. И. Канн-Новикова); Бернандт—Ямпольский; Штейнпресс — Ямпольский; Сл. рус. писателей XVIII в. (Н. И. Глинка, К. Ю. Лаппо-Данилевский); Славяноведение в дорев. России (Г. Н. Моисеева); Муз. энци. словарь; Васильева Е. Е., Лапин В. А. Львова Н. А. и Прача И. сборник // Музыкальный Петербург: Энцикл. словарь. Т. 1: XVIII век. СПб., 1998. Кн. 2. С. 153—158; Львова А. П., Бочкарева И. А. Род Львовых. Торжок, 2004 (Новоторжский родословец; Вып. 1).

Библиогр.: Злочевский Г. Д. Н. А. Львов. Библиография // Гений вкуса. Тверь, 2001. Сб. 1. С. 362—406; Лаппо-Данилевский К. Ю. Несколько дополнений к библиографии Н. А. Львова, составленной Г. Д. Злочевским // Гений вкуса. Тверь, 2001. Сб. 2. С. 234—243; Ключева Е. А. Материалы к библиографии Н. А. Львова // Гений вкуса. Тверь, 2005. Сб. 4. С. 338—356.

Изд.: Артамонова З. Незданные стихи Н. А. Львова // Литературное наследство. М.; Л., 1933. Т. 9/10. С. 264—286; Поэты XVIII века. Л., 1972. Т. 2. С. 195—256; Львов Н. А. Избранные сочинения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. Кёльн; Веймар; Вена; СПб., 1994.

Лит.: [Львов Ф. П.] Львов // Сын отечества. 1822. № 17. С. 108—121 (другой вариант: Биография Н. А. Львова // Москвитянин. 1855. № 6, Отд. 1. С. 179—185); Коплан Б. И. К истории жизни и творчества Н. А. Львова // Изв. АН СССР. Сер. 6. 1927. № 7/8. С. 699—726; Рабинович А. С. Русская опера до Глинки. М., 1948; Гозенпуд А. А. Музыкальный театр в России. Л., 1959; Бudyлина М. В., Брайцева О. И., Харламова А. М. Архитектор Н. А. Львов. М., 1961; Западов В. А. 1) О «русских размерах» в поэзии XVIII — первой пол. XIX в. // XXII Герценовские чтения. Филол. науки. Л., 1969. С. 90—93; 2) Русские размеры в поэзии конца XVIII века // XVIII век. Л., 1999. Сб. 21. С. 391—400; Никулина Н. И. Николай Львов Л., 1971; Азадовский; Берков П. Н. История русской комедии XVIII века. Л., 1977; История русской драматургии: XVII — первая половина XIX века. Л., 1982 (указ.); Глумов А. Н. А. Львов. М., 1980; Лаппо-Данилевский К. Ю.: 1) Новые данные к биографии Н. А. Львова (1770-е годы) // Рус. лит. 1988. № 2. С. 135—142; 2) Комическая опера Н. А. Львова «Ямщики на подставе» // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 93—113; 3) О тайной женитьбе Н. А. Львова // Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 132—144; 4) О метрическом репертуаре лирики Н. А. Львова // Актуальные про-

блемы изучения и преподавания русской литературы: взгляд из России — взгляд из Зарубежья. СПб., 2011. С. 242—255; История русской музыки: В 10 т. М., 1985. Т. 3, ч. 2; Гений вкуса. Тверь, 2001—2005. Сб. 1—4; Н. А. Львов и его современники: литераторы, люди искусства. СПб., 2002; *Лапин В. А.* 1) Рукописная версия «Собрания Львова — Прача» (Еще раз к истории легендарного сборника) // Из фондов Кабинета рукописей РИИИ. СПб., 2003. С. 32—52; 2) Очерки исторической проблематики русского музыкального фольклора. СПб., 2017. С. 397—430. Николай Львов: прошлое и современность. Материалы науч.-практ. конф. 16—17 мая 2005 г. СПб., 2005; Н. А. Львов. Жизнь и творчество. СПб., 2008. Ч. 1—3 (Петербургский Рериховский альманах; Вып. 6—8); *Дзюбанов С. Д.* «Верует в Резон, как во Единого Бога» (подлинная история тайной женитьбы Н. А. Львова) // Г. Р. Державин и его время. СПб., 2008. [Вып. 4]. С. 5—56; *Милюгина Е. Г., Строганов М. В.* Гений вкуса: Н. А. Львов. Итоги и проблемы изучения. Тверь, 2008; *Милюгина Е.* Обгоняющий время: Николай Александрович Львов — поэт, архитектор, искусствовед, историк Москвы. М., 2009; *Дроздецкая Н. К.* Н. А. Львов: музыкальные впечатления, контакты и адреса // *Opera musicologica*. 2010. № 3 [5]. С. 86—116.

Арх.: РГИА, ф. 37, оп. 2, № 100—120 (документы школы землебитного строения в Тюфилях); Гос. науч.-исслед. Музей архитектуры им. А. В. Щусева, 41 лист; ОР РНБ, ф. 247 (Г. Р. Державин), оп. 1, т. 37 (*Львов Н. А.* Сочинения); РО ИРЛИ, № 16470 (*Львов Н. А.* Путевые тетради № 1—3); см.: *Дмитриева Г. М.* Документы Государственного архива Тверской области о Н. А. Львове // Гений вкуса: Материалы науч. конф., посвящ. творчеству Н. А. Львова. Тверь, 2001. [Сб. 1]. С. 8—14.

К. Ю. Лаппо-Данилевский

губ., принадлежавшем дяде поэта П. П. Львову. Важную роль в композиции письма играет «Песня П<етра> С<еменовича> Л<ьвова>» («Уж как пал туман на сине море...»), которую в определенный момент праздника запевают представители обширного семейства Львовых. Л. сообщает, что песня была сочинена в народном духе его дедом по пути из Персидского похода Петра I (1722—1723) и что ее «не удалось ему пропеть дома». Этот вариант песни был воспроизведен позднее как подлинно-народный *И. И. Дмитриевым* (Карманный песенник, или Собрание лучших светских и простонародных песен. М., 1796. Ч. 1. С. 211) и Г. Р. Державиным в разд. «О песне» «Рассуждения о лирической поэзии, или Об оде» (Чтение в Беседе любителей русского слова. 1815. Чтение 14. С. 21—22). Несмотря на четкую атрибуцию, предлагаемую в письме к Вельяминову, авторство деда Л. не может быть принято. Варианты песни «Уж как пал туман на сине море...» о смерти воина, возвращающегося из похода, находим и в рукописных песенниках XVIII столетия, и в печатных (см.: *Чулков М. Д.* Новое и полное собрание российских песен. СПб., 1770. Ч. 1. С. 140; [*Курганов Н. Г.*] Книга писмовник, а в ней наука российского языка с семью присовокуплениями. СПб., 1777. Ч. 2. Присовокупление V. С. 313) — до выхода в свет львовского «Собрания народных русских песен с их голосами». Все убеждает в том, что Л. подверг обработке подлинное фольклорное произведение. Долю своего участия при этом Л., видимо, ощущал как весьма значительную. «Песня П<етра> С<еменовича> Л<ьвова>» поэтому была для него авторской, а не безымянной, в силу чего он не включил ее в «Собрание народных русских песен», а в письме к Вельяминову атрибутировал своему деду.

Раннее поэтическое творчество Л. демонстрирует связь с литературой европейского классицизма, причем постепенно все большее значение приобретают преодоление жанровой инерции, отталкивание от традиционных форм, поиск индивидуально-стилистических решений. Л. не стремился к писательской известности; публиковался анонимно, довольствовался рукописным бытованием своих произведений. Первым напечатанным произведением Л., по-видимому, стала «Песенка» (Санкт-Петербургский вестник. 1780. Ч. 6. Авг.), музыку к которой написал Д. С. Бортнянский. Бóльшее впечатление на литературные круги произвела опубликованная без подписи «Идиллия. Вечер 1780 года ноября 8» (Собеседник любителей русского слова. 1783. Ч. 1), отразившая увлечение Л. французской эротической поэзией. Поэма Л. «Зима» вышла в 1791 отдельным изданием столь малым тиражом, что через несколько лет И. И. Мартынов поместил ее в журн. «Муза» как литературную новинку (1796. Ч. 1. Февр. — март; без посвящения, с пропуском восьми стихов). См. также: «К Дорализе», «Музыка, или Семитония», «Отпускная двум чижикам» (Аониды. 1796. Кн. 1), «Стихи на розу» (Муза. 1796. Ч. 2. Май), «Песня на взятие Варшавы» (Карманный песенник. 1796. Ч. 2). Хотя Л. и в зрелом возрасте с симпатией относился к основным положениям доктрины классицизма, понимание им сущности творческого акта не как подражания прекрасным образцам, а как спонтанного самораскрытия личности позволяет охарактеризовать его позицию как предромантическую в широком смысле.